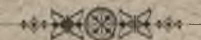
Speranskij Druzja i wragi Puszkina

М. Н. Сперанскій.

ДРУЗЬЯ И ВРАГИ ПУШКИНА
ВЪ ЛИТЕРАТУРѢ.

Рѣчь, произнесенная на торжественномъ собраніи въ Институтѣ Князя Безбородко 26 Мая 1899 года.

НѢЖИНЪ.
Типо-Лит. М. В. Глезера.
1899.

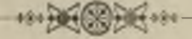
М. Н. Сперанскій.

ДРУЗЬЯ И ВРАГИ ПУШКИНА

ВЪ ЛИТЕРАТУРѢ.

Рѣчь, произнесенная на торжественномъ собраніи въ Институтѣ Князя Безбородко 26 Мая 1899 года.

НѢЖИНЪ.
Типо-Лит. М. В. Глезера.
1899.

Печатано по постановленію Историко-Филологическаго Общества при Институтѣ Кн. Безбородко въ Нѣжинѣ.

Предсѣдатель Общества Ф. Гельбке.

Друзья и враги Пушкина въ литературѣ.

Въ стѣнахъ этого дома жилъ и проводилъ, быть можетъ, часто время въ той самой залѣ, гдѣ мы сегодня собрались для чествованія памяти великаго поэта, этого „чрезвычайнаго и, быть можетъ, единственнаго явленія русскаго духа,“ здѣсь жилъ и бывалъ искреннѣйшій, несомнѣнно, другъ Пушкина, ставшій теперь для насъ въ свою очередь „чрезвычайнымъ и, быть можетъ, единственнымъ, въ своемъ родѣ, явленіемъ русскаго духа“. Другъ этотъ еще съ дѣтскихъ лѣтъ въ представленіи нашемъ неразрывно связанъ съ Пушкинымъ: вспоминая одного, мы, невольно, вспоминаемъ и другого. Конечно, вы догадались, о комъ я веду рѣчь? Въ самомъ дѣлѣ, можно ли сильнѣе и искреннѣе, теплѣе и глубже выразить чувство любви и безграничнаго поклоненія къ человѣку, нежели словами, которыя вылились изъ подъ пера, или—лучше сказать—прямо изъ глубины души у Н. В. Гоголя, когда до него дошла роковая вѣсть о случившемся 29 января 1837 г.? „Великаго не стало! Вся жизнь моя теперь отравлена. Пиши мнѣ, Бога ради!“ Затѣмъ Гоголь продолжаетъ: „напоминай мнѣ чаще, что еще не все умерло для меня на Руси, которая уже начинаетъ казаться могилою, безжалостно похитившей все, что есть драгоцѣннѣйшаго для сердца. Моя утрата всѣхъ больше. Ты скорбишь, какъ русскій, какъ писатель, я..... я сотой доли не могу выразить своей скорби. Что мой трудъ? Что теперь жизнь моя?“ Это горестное чувство не было результатомъ минутнаго, неглубокаго огорченія: черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Гоголь пишетъ Прокоповичу: „Я боюсь ипохондріи, которая гонится за мной по пятамъ. Смерть Пушкина, кажется,

отняла отъ всего, на что погляжу, половину того, что могло бы меня развлекать.“ Многовремени спустя, въ 1838 году въ мартѣ Гоголь все еще не можетъ свыкнуться съ мыслью, что Пушкина нѣтъ: „все еще мое сердце болитъ донынѣ; когда занесется сюда (въ Римъ) газетный листокъ, и напрасно силюсь отыскать въ немъ знакомое душѣ имя (Пушкина) или что нибудь, на чемъ можно бы остановиться. Все рынокъ да рынокъ, презрѣнный холодъ торговли да ничтожество“ (Письмо къ Одоевскому). Всѣ эти слова, какъ нельзя лучше, характеризуютъ то глубокое чувство, которое Гоголь питалъ къ своему учителю Пушкину, какъ къ человѣку и какъ къ писателю, великому писателю родной земли. Не даромъ еще въ 1832 году тотъ же Гоголь въ своихъ „Нѣсколькихъ словахъ о Пушкинѣ“ писалъ: „При имени Пушкина тотчасъ осѣняетъ мысль о русскомъ національномъ поэтѣ. Въ самомъ дѣлѣ, никто изъ поэтовъ нашихъ не выше его и не можетъ болѣе назваться національнымъ; это право рѣшительно принадлежитъ ему..... Пушкинъ есть явленіе чрезвычайное и, можетъ быть, единственное явленіе русскаго духа“ (I, 225). Правда, отношенія Гоголя къ Пушкину выходятъ за границы обычной дружбы, сочувствія ближнему, его идеаламъ: это—пламенное поклоненіе геніальнаго ученика своему геніальному великому учителю; еще незнакомый съ Пушкинымъ, Гоголь въ 30-мъ году (стало быть, когда ему былъ только 21 годъ) тотчасъ по выходѣ „Бориса Годунова“ явился къ Плетневу съ тетрадкой, въ которой заключался разборъ „Бориса“; тетрадка эта начинается словами: „Великій! когда развертываю дивное твореніе твое, когда вѣчный стихъ твой гремитъ и стремитъ ко мнѣ молнію огненныхъ звуковъ, священный холодъ разливается по жиламъ, и душа дрожитъ въ ужасѣ, вызвавши Бога изъ своего безпредѣльнаго лона!“.... Далѣе читаемъ: „Будто прикованный, уничтоживъ окружающее, не слыша, не внимая, не помня ничего, пожираю я твои страницы, дивный поэтъ!....“ Наконецъ: „Великій! надъ симъ вѣчнымъ твореніемъ твоимъ клянусь!“ и т. д. (I, 74, 76) [1]) Такія слова могъ только писать фанатическій поклонникъ поэта, самъ поэтъ и поэтъ не заурядный, а такой же „единственный“ и „чрезвычайный“. Но

[1]) Ссылки сдѣланы на изданіе Н. С. Тихонравова, одиннадцатое (Спб. 1893). Ср. сочиненія Н. С. Тихонравова, III, 2, стр. 182, 185.

были у Пушкина и другіе друзья, также съ искреннимъ чувствомъ относившіеся къ поэту, хотя и болѣе сдержанные. Напомню хотя одного изъ нихъ. Въ числѣ такихъ личныхъ и литературныхъ друзей былъ старѣющійся уже, по складу своего міровоззрѣнія относящійся къ предшествующему поколѣнію, пѣвецъ „Свѣтланы“ и „Людмилы“—В. А. Жуковскій. И его смерть Пушкина вызвала къ обширному письму, и на него она произвела потрясающее впечатлѣніе, тѣмъ болѣе глубокое, что ему пришлось быть свидѣтелемъ, и притомъ очень близкимъ, послѣднихъ минутъ угасавшаго поэта и молодого друга. И передъ нимъ сразу съ ослѣпительной и ужасной ясностью возстало сознаніе той громадной потери, которую понесла Россія въ лицѣ только что скончавшагося Пушкина: только черезъ двѣ недѣли послѣ смерти поэта рѣшился онъ написать о томъ престарѣлому отцу Пушкина: „Я не имѣлъ духу писать къ тебѣ, мой бѣдный Сергѣй Львовичъ“,—такъ началъ свое письмо Жуковскій. „Что могъ я тебѣ сказать“, продолжаетъ онъ, „угнетенный нашимъ общимъ несчастіемъ, которое упало на насъ, какъ обвалъ, и всѣхъ раздавило? Нашего Пушкина нѣтъ! Это къ несчастію вѣрно; но все еще кажется не вѣроятнымъ. Мысль, что его нѣтъ, еще не можетъ войти въ порядокъ мыслей, ясныхъ, обыкновенныхъ, ежедневныхъ мыслей: еще по привычкѣ продолжаемъ искать его.... Не говорю о тебѣ, бѣдный и дряхлый отецъ, не говорю о насъ, горюющихъ его друзьяхъ: —Россія лишилась своего любимаго національнаго поэта!“ [1]) Много общаго въ этихъ откликахъ двухъ друзей—писателей по поводу смерти Пушкина. Не меньшее впечатлѣніе произвелъ этотъ прискорбный фактъ и на другихъ, кому не только не пришлось быть личными друзьями Пушкина, но даже не привелось быть знакомыми лично съ самимъ поэтомъ. Если для друзей Пушкина въ представленіи о немъ сливался любимый и любившій ихъ человѣкъ съ личностью поэта, ставшаго литературной гордостью Россіи еще задолго до смерти, если одно чувство, невольно усиливая другое, дѣлало особенно сочувственными отзывы друзей, то для лицъ и писателей, не соединенныхъ съ поэтомъ узами дружбы, его личность должна была рисоваться, если не исключительно, то

---

[1]) Письмо къ С. Л. Пушкину отъ 15 Февр. 1837 года.—Сочиненія В. А. Жуковскаго (изд. 7-е, Спб. 1878), VI, 8, 9.

въ значительной степени, какъ личность прежде всего поэта, писателя. Это сознавалось и говорило несомнѣнно въ пользу Пушкина у цѣлаго ряда лицъ, имѣвшихъ то или другое отношеніе къ литературѣ: А. И. Полежаевъ, Ѳ И. Тютчевъ, С. Стромиловъ, А. С. Норовъ, Н. Вуичъ, Э. И. Губеръ, А. Кольцовъ и много другихъ --всѣ оплакивали Пушкина[1]). Но глубже другихъ взглянулъ, а потому и энергичнѣе другихъ выразилъ свое чувство къ Пушкину юный тогда М. Ю. Лермонтовъ, заочно чуть не боготворившій Пушкина, Лермонтовъ, который только три недѣли передъ тѣмъ увидалъ впервые Пушкина.[2]) Всѣмъ, конечно, извѣстны его страстные, полные огня, полные гнѣва стихи на смерть Пушкина, которыми онъ бичевалъ не только и не столько убійцу, но въ большей еще степени и то общество, которое не хотѣло оцѣнить своего поэта, не только не умѣло сберечь его, но и довело его своимъ отношеніемъ къ писателю до такого рокового конца: люди

Прежній снявъ вѣнокъ, другой вѣнокъ, терновый,
Увитый лаврами, надѣли на него.
Но иглы тайныя сурово
Язвили славное чело!

Само общество, доведя до такого невозможнаго положенія своего поэта, старалось, по взгляду Лермонтова, [3]) прикрыть свой поступокъ похвалами поэту, но похвалы эти лицемѣрны:

Къ чему теперь рыданья,
Пустыхъ похвалъ ненужный хоръ
И жалкій лепетъ оправданья?...
Не вы-ль сперва такъ долго гнали
Его свободный, чудный даръ
И для потѣхи возбуждали
Чуть затаившійся пожаръ?
Чтожъ? Веселитесь!... (I, 253, 254)

Такъ смѣло, горячо любившій Пушкина—поэта, бросилъ вызовъ въ защиту его памяти Лермонтовъ. Если такъ отнеслись къ Пушкину въ самый моментъ его смерти лучшіе люди Россіи, если лучшая часть общества давно уже такъ внима-

[1]) См. „Русскіе поэты о Пушкинѣ“ (Сборн., составленный В. В. Каллашемъ, М. 1899), стр. 71 и слѣд.

[2]) М. Ю. Лермонтовъ. Жизнь и творчество Ред. П. Висковатова (М. 1891), VI, 240.

[3]) Ср. тамъ же, стр. 238.

тельно и чутко отнеслась еще къ лицеисту и начинающему писателю съ первыхъ его шаговъ, когда, напр., появленіе „Руслана“ (1820 г.) заставило въ авторѣ его видѣть уже „явленіе чрезвычайное русскаго духа“, [1]—послѣ всего этого кажется какъ будто страннымъ поднимать вопросъ о врагахъ Пушкина, какъ поэта. Мало того: намъ извѣстно, что та оцѣнка Пушкина, которую мы привели сейчасъ въ выдержкахъ, понятная въ глазахъ русскихъ людей, нашла себѣ откликъ даже въ той средѣ, гдѣ мы не въ правѣ были бы ее ждать въ силу тогдашнихъ политическихъ обстоятельствъ, племеннаго различія, гдѣ мы скорѣе всего ожидали въ то время, если не враждебнаго отношенія, то покрайней мѣрѣ глубокаго сдержаннаго молчанья, на которое не поскупились иные даже свои русскіе люди, въ сущности потому только, что неприлично же было бросать въ умершаго грязью: de mortuis nil nisi bene. Великій польскій современникъ, личный знакомый Пушкина, горячій патріотъ своего отечества Адамъ Мицкевичъ лучше многихъ русскихъ такъ отозвался на смерть Пушкина: „Пуля, сразившая Пушкина, нанесла страшный ударъ интеллектуальной Россіи. Есть у нея и теперь выдающіеся писатели... но никто изъ нихъ не замѣнитъ Пушкина. Ни одной странѣ не суждено болѣе, чѣмъ одинъ разъ, произвести человѣка съ такими необыкновенными и въ тоже время столь разнообразными дарованіями“. [2]) Стало быть, и Мицкевичъ, отъ котораго нельзя было требовать того поклоненія, какое мы видѣли со стороны русскихъ друзей Пушкина, сошелся въ своемъ чуткомъ взглядѣ на русскаго поэта съ ними, признавъ, вмѣстѣ съ Гоголемъ, Пушкина единственнымъ и необычайнымъ явленіемъ русскаго духа. Наконецъ, упоминаніе о врагахъ литературныхъ Пушкина можетъ показаться тѣмъ болѣе страннымъ, что эти враги Пушкина, какъ поэта, писателя извѣстнаго направленія, въ теченіе всей его недолгой жизни, являются чѣмъ-то столь мелкимъ и бездарнымъ, а иногда людьми, столь чуждыми литературѣ,

[1]] П. В. Анненковъ. Матеріалы для біографіи Пушкина [изд. 2-е, Спб. 1873], стр. 50, 59, 63. Ср. В. Г. Бѣлинскій. Сочиненія [4-е изд. М. 1880], VIII, 95.

[2]] Статья А. Мицкевича появилась въ 1837 г. по французски въ „Globe“; въ русскомъ переводѣ см. въ „Мірѣ Божіемъ“ 1899, V, 119—120.

что врядъ ли стоитъ ихъ даже называть врагами поэта, великаго своимъ талантомъ, богатыря своими духовными силами: это были въ сущности или завистливые мелко-эгоистичные обскуранты, лицемѣрно прикрывавшіе свои невысокія стремленія громкими воззваніями и укорами поэту во имя той нравственности, того патріотизма, словомъ всего того, что они сами менѣе всего могли вмѣстить въ своихъ мелкихъ душенкахъ, или же лица, стоявшія въ рядахъ тогдашней администраціи и относившіяся къ поэту съ точки зрѣнія своихъ административныхъ идей. Припомните хотя бы „злого-паука“ и „курилку-журналиста“ Каченовскаго, „клеветника безъ дарованья, живущаго ежемѣсячнымъ враньемъ“ (IV, 274, 279), „закоснѣлаго ругателя“, „оратора пелѣницы“ (III, 201, 202) [1]) Ѳаддея Булгарина, который своимъ появленіемъ въ русской прессѣ

Польшу спасъ отъ негодяя
И русскихъ братствомъ запятналъ (IV 278),

„Бельведерскаго Митрофана“ Муравьева (IV, 208) и другихъ. Въ качествѣ образчика второй группы можно припомнить тогдашняго министра народнаго просвѣщенія С. С. Уварова, поручившаго дать нагоняй Краевскому за горячія его слова о Пушкинѣ, такъ какъ Пушкинъ не былъ „ни полководцемъ, ни военачальникомъ, ни министромъ, ни государственнымъ мужемъ“: „Писать стишки не значитъ еще, какъ выразился Сергѣй Семеновичъ, проходить *великое поприще*“ [2]). Кажется, судьба поэта Пушкина рѣшена была, если не при его жизни, то во всякомъ случаѣ въ тотъ моментъ, когда „великаго не стало“. Кажется, что это „чрезвычайное и единственное явленіе русскаго духа“ не нуждалось болѣе въ защитѣ: великій Пушкинъ былъ уже безспорно признанъ великимъ. Онъ какъ будто избѣгъ общей участи всѣхъ—суда потомства; этотъ судъ замѣнили, какъ будто, для него отзывы его современни-

---

[1]) Цитирую, какъ и ниже, ради удобства, по 3-му изд. Суворина (Спб. 1887).

[2]) Русск. Стар. 1880, стр. 537. Въ статьѣ Краевскаго стояла фраза: „Пушкинъ скончался... въ срединѣ своего великаго поприща“. По словамъ попечителя округа Дондукова-Корсакова, передававшаго Краевскому выговоръ министра, „ему, Краевскому, какъ чиновнику мин. нар. пр., особенно слѣдовало бы воздержаться отъ подобныхъ публикацій“.

ковъ. Но.... все это только кажется: къ сожалѣнію, на дѣлѣ, въ этомъ случаѣ и Пушкину пришлось не только раздѣлить участь всѣхъ выдающихся людей, но за свой чудный, чрезвычайный и единственный даръ даже послѣ смерти испытать такой рядъ мытарствъ, какихъ онъ не переносилъ при жизни: никто изъ современниковъ не отрицалъ въ Пушкинѣ поэта, между потомками нашлись люди, которые не только рѣшились поставить вопросъ о значеніи (въ чемъ ничего особеннаго нѣтъ) Пушкина, но и поспѣшили отвѣтить на него отрицательно. Въ этомъ отношеніи нашъ поэтъ какъ будто сближается по своей судьбѣ съ Шекспиромъ, который также послѣ славы при жизни, на много лѣтъ лишился ея, лишился всякаго значенія въ глазахъ цѣлыхъ поколѣній потомковъ и только черезъ много лѣтъ возсталъ опять во всемъ своемъ величіи передъ ними. Разница между великимъ учителемъ создателя „Бориса Годунова“ и его ученикомъ та, что до такого забвенія, до какого довели потомки Шекспира, нашъ поэтъ не доходилъ: никогда не умирало его имя, всегда находило оно своихъ защитниковъ. Но можно, пожалуй, проводить и дальше эту параллель: противъ Шекспира до сихъ поръ раздаются голоса, до сихъ поръ есть люди, желающіе ослабить великое значеніе Шекспира, отнимая, если не всю его славу, то хоть часть ея въ пользу то Бэкона, то Бэнъ-Джонсона или другихъ; иначе сказать, до сихъ поръ есть люди, виновные въ томъ, что они не воздаютъ должнаго Шекспиру. Если никто не думаетъ теперь оспаривать принадлежность того или другого крупнаго произведенія Пушкину, а наоборотъ стараются приписать Пушкину то, что можетъ и не принадлежать ему [1]), то все же Пушкинъ не пользуется заслуженнымъ имъ положеніемъ вполнѣ; и у Пушкина до сихъ поръ есть своеобразные враги, которыхъ можно назвать пассивными, но все же врагами, такъ какъ они, если и не нападаютъ теперь на поэта то все же виноваты передъ нимъ тѣмъ, что, подобно извѣстному Епиктитовскому рабу, не дѣлаютъ по отношенію къ поэту того, что должны, являясь виновными и передъ обществомъ тѣмъ, что лишаютъ это общество возможности полной

[1]) Вспомнимъ недавній и до сихъ поръ не рѣшенный споръ объ окончаніи „Русалки“, до сихъ поръ дебатируемый на страницахъ газетъ и ученыхъ журналовъ (См. Изв. отд. рус. яз. и слов. И. А. Н., Ш, 3. стр. 633—758; IV, 1, стр. 1—100.)

чащей черпать изъ поэзіи Пушкина тѣ высоко художественныя и воспитательныя идеи, изъ которыхъ сотканъ безсмертный вѣнецъ его поэзіи. Конечно, съ подобными „врагами" мы имѣть не можемъ теперь дѣла: промчатся годы, и это пассивное отношеніе къ поэту исчезнетъ: доказательство того, что надежды наши—не простая мечта, доказательство роста активнаго и въ тоже время искренняго отношенія къ поэту—передъ нами: это – нашъ сегодняшній праздникъ[1]). Все болѣе и болѣе приближаемся мы къ правильному истинному изученію, а слѣдовательно, и къ истинному, полному пониманію Пушкина. Но и до того признанія общественнаго и художественнаго значенія поэзіи Пушкина, какимъ мы обладаемъ теперь, дошли мы съ Пушкинымъ далеко не быстрыми шагами. У Пушкина были всегда не только друзья, но и враги; эти послѣдніе были не только литературными врагами его (если принимать во вниманіе Булгариновъ, Каченовскихъ и проч.), а также врагами убѣжденій Пушкина, врагами его, какъ человѣка, члена того общества, гдѣ ему осуждено было вращаться: а это, несомнѣнно, отражалось и на отношеніи къ поэзіи Пушкина: поэта и его произведеніе, человѣка внѣшняго и духовнаго не легко раздѣлить, а иногда и невозможно. [2]) Эти то враги, если и не прямо, то косвенно, надолго задержали правильный ходъ пониманія нами поэзіи Пушкина, замедлили тотъ судъ потомства, который теперь поставилъ Пушкина на пьедесталъ великаго писателя. Такихъ враговъ у Пушкина и при жизни, и послѣ смерти было много: враги эти боролись такими средствами противъ поэта, а вмѣстѣ и его поэзіи, противъ кото-

---

[1]) Самый характеръ этого празднества также ясно указываетъ на тоже: прежніе „Пушкинскіе" дни (1880, 1887 г.) носили, правда, восторженный, блестящій характеръ, но все же имъ недоставало той широты общерусскаго, общенароднаго характера, какой пріобрѣтаютъ теперешніе Пушкинскіе дни, судя по тѣмъ приготовленіямъ, свидѣтелями которыхъ мы являемся теперь. Ясно, что признаніе Пушкина не только расширилось, но сравнительно и углубилось въ сознаніи всего русскаго народа за истекшіе 10—12 лѣтъ. Конечно, говорить о полномъ сознаніи значенія Пушкина еще рано: оно еще не пришло.

[2]) Какъ извѣстно, самая смерть Пушкина была слѣдствіемъ разлада его съ обществомъ не столько, какъ поэта, сколько какъ человѣка извѣстнаго круга. См. Рус. Стар. 1885, II, 377; но отношенія камеръ-юнкера Пушкина къ аристократическому кругу находили постоянно откликъ и въ Пушкинѣ-поэтѣ. Ср. III, 205, 208...

рыхъ самъ поэтъ и его поэзія долго были безсильны: эти средства—право сильнаго. Обаяніе поэзіи, обаяніе личности ея создателя, вызвавшія такіе громкіе вопли и смѣлые взрывы искреннаго негодованія въ моментъ смерти Пушкина, сдѣлали то, что голоса противниковъ въ литературѣ на время замолкли: у нихъ не хватило смѣлости открыто отвѣтить на вызовъ друзей поэта: люди, не рѣшившіеся бросить комъ грязи въ тѣнь только что скончавшагося поэта, частью находившіе это просто неприличнымъ, частью не согласнымъ съ хорошимъ тономъ чиннаго и благонамѣреннаго общества сѣверной столицы, примолкли, стараясь или казаться равнодушными или слишкомъ благовоспитанными для того, чтобы проявлять горячо свои чувства по поводу случившагося. Они, если не оскорбляли памяти поэта активнымъ противодѣйствіемъ въ области живаго слова, то и не стремились помочь уясненію личности человѣка, такъ недавно вращавшагося въ ихъ обществѣ, такъ недавно освѣщавшаго имъ не только ихъ прошлое, но и настоящее; но съ другой стороны, они не могли забыть поэта, стоявшаго передъ ними недавно живымъ укоромъ для ихъ мелкаго завистливаго самолюбія, своей свѣтлой личностью еще болѣе выдвигавшаго на позоръ ихъ ничтожество; прилично—салонное, но мелкое въ душѣ общество не прощало этихъ качествъ поэту, не терпѣло ни малѣйшаго себѣ укора во имя поэта. Къ тому же самъ поэтъ не всегда оставался чуждъ свѣтской интригѣ, не всегда былъ только поэтомъ, но и камеръ-юнкеромъ, одной изъ единицъ общества. И ему приходилось сводить счеты съ этимъ обществомъ; часто и самъ онъ бывалъ виноватъ въ столкновеніяхъ, вооружавшихъ противъ него отдѣльныхъ лицъ. Слабое и слишкомъ трусливое, чтобы пойти на честный бой, это общество однако энергично дѣйствуетъ, чтобы въ лицѣ друзей поэта отомстить ему за всѣ тѣ укоры,—справедливые или нѣтъ, все равно—которые пришлись на долю людей, окружавшихъ Пушкина. Они постарались и успѣли на время набросить на поэзію Пушкина и на самого поэта ту, тѣнь которая лишила общество на долгое время пользоваться благами этой поэзіи и учиться у ея творца. „Подвиги“ враждебной части столичнаго общества начались съ момента смерти Пушкина: постарались тотчасъ мѣрами иного порядка, ничего общаго съ литературой не имѣющими, охладить тотъ непріятный для узкаго самолюбія порывъ восторженнаго поклоненія

творцу національной русской поэзіи; жестоко мстило это общество всѣмъ, имѣвшимъ неосторожность слишкомъ откровенно и прямо, слишкомъ (конечно, съ точки зрѣнія этого общества) по Пушкински указать на истинную причину катастрофы 29 января. Раздалось страшное слово: „либерализмъ". Всѣ внѣшніе знаки уваженія къ умершему были старательно запрещены полицейской властью, дѣйствовавшей по указаніямъ „благомыслящихъ" охранителей Россіи отъ тлетворнаго либерализма поэта. Пущены даже были въ ходъ, кѣмъ слѣдовало, слухи о громадномъ готовящемся заговорѣ и о враждебной правительству манифестаціи, которую собирались якобы устроить на похоронахъ поэта его друзья: это должно было оправдать мѣры, принятыя бдительными не по разуму рачителями общественнаго спокойствія: тѣло поэта ночью, среди пикетовъ, разставленныхъ по улицамъ, было внесено въ чужую приходскую церковь, къ погребенію допущены только родные и изъ постороннихъ только А. И. Тургеневъ и В. А. Жуковскій. Во имя порядка, который могла нарушить собравшаяся, чтобы отдать послѣдній долгъ поэту, толпа, великій поэтъ былъ лишенъ приличнаго, даже скромнаго погребенія, а былъ спрятанъ и тайкомъ ночью жандармами увезенъ и также тайкомъ опущенъ въ могилу въ деревнѣ. [1]) За свое стихотвореніе на смерть Пушкина, хотя и одобренное государемъ [2]), юный корнетъ Лермонтовъ попалъ на Кавказъ, откуда ему не суждено было вернуться,—обычное средство чиновнаго общества мстить и избавляться отъ непріятныхъ ему людей, мѣра, съ успѣхомъ примѣненная уже раньше къ самому Пушкину за такого же рода проступокъ. Не стану подробнѣе излагать тѣхъ грустныхъ эпизодовъ, которые происходили въ ближайшее къ тому время. Скажу одно только, что результатомъ этой борьбы на первое время былъ какъ будто перевѣсъ на сторонѣ недруговъ поэта и его поэзіи. Дѣло доходитъ даже до того, что преподаватели училищъ, позволявшіе себѣ читать ученикамъ Пушкина, рисковали прослыть опасными либералами и, стало быть, не благонадежными людьми. [3]) Даже въ Московскомъ университетѣ профессоръ 30-хъ годовъ, который, по выраженію оффиціаль-

---

[1]) Ср. В. Стоюнинъ. А. С. Пушкинъ (Спб. 1881), стр. 436—438.
[2]) М. Ю. Лермонтовъ (ред. П. Висковатова), VI, 242.
[3]) Ср. Стоюнинъ. ук. соч., стр. 439.

ной инструкціи, занималъ студентовъ практическими упражненіями въ россійскомъ языкѣ, приспособляя опыя къ правиламъ, коими руководствовались образцовые отечественные писатели, и, если позволяло время, показывалъ силу и богатство россійскаго языка [1]),—этотъ профессоръ не допускалъ даже рѣчи о Пушкинѣ: уже Жуковскій не имѣлъ мѣста въ ряду образцовыхъ, благомыслящихъ писателей съ тѣхъ поръ, какъ сталъ писать баллады.[2]) Для болѣе слабыхъ духомъ Пушкинъ, создатель національной поэзіи, становился—якобы во имя интересовъ государства, на дѣлѣ же во имя мелочнаго властолюбиваго завистливаго чувства—nomen odiosum, а сама поэзія—поэзіей, надъ которой ставился красный крестъ неумолимаго охранителя нравовъ общества—цензора. Вотъ состояніе общества, а стало быть, и поэзіи Пушкина во время, ближайшее къ самому Пушкину: небольшая, стойкая своею искренностью и прямотой кучка почитателей Пушкинской поэзіи; противъ нея большая, сильная связями съ властью и сама властвовавшая толпа холодныхъ, подчасъ завистливыхъ ко всему выдающемуся и въ тоже время честолюбивыхъ людей, думавшихъ путемъ канцеляріи создать общественное мнѣніе, путемъ циркуляровъ и соотвѣтствующей цензуры держать это мнѣніе постоянно въ своихъ рукахъ, заставить его служить своимъ цѣлямъ. Между этими лагерями помѣстилась группа людей, эгоистично желавшихъ сохранить свое положеніе, порядочныхъ, для того чтобы вопреки своему убѣжденію стать въ ряды обскурантовъ—гонителей Пушкина и его идей, но слишкомъ слабохарактерныхъ и робкихъ для того, чтобы открыто стать на сторону опальнаго. Девизъ этихъ людей—умѣренность и золотая середина во всемъ, чего-бы это ни касалось: ни восторга, который могъ бы быть сочтенъ черезъ чуръ горячимъ сочувствіемъ и заставить отшатнуться отъ нихъ тѣхъ, поддержкѣ которыхъ они обязаны своимъ положеніемъ, ни протеста, который могъ бы возбудить подозрѣніе въ ихъ союзѣ съ почитателями отрицаемаго поэта, ни словъ неудовольствія противъ поэта, что могло бы набросить на нихъ тѣнь въ глазахъ этихъ почитателей. При такой обстановкѣ, началась борьба въ обществѣ изъ за Пушкинской поэзіи. Борьба кончилась побѣдой друзей Пушкина: эту побѣду мы теперь еще разъ празднуемъ: 60 лѣтъ назадъ небольшая кучка

[1]) Н. С. Тихонравовъ. Сочиненія, III, 1, стр. 596.
[2]) Тамъ же, стр. 597.

людей едва рѣшалась говорить въ защиту поэта, сегодня вя-Россія прославляетъ Пушкина. Этимъ оборотомъ въ своей посмертной судьбѣ обязанъ Пушкинъ прежде всего, разумѣется, себѣ, иначе: своей поэзіи, геніальному таланту, тѣмъ гуманнымъ, національнымъ идеямъ, которыя разлиты въ его поэзіи; затѣмъ—своимъ друзьямъ, положившимъ не мало силъ на реабилитацію имени безвинно унижаемаго поэта; обязанъ онъ и тому времени—знаменитымъ сороковымъ годамъ, времени нашего возрожденія, которое дало намъ Бѣлинскаго и ту почву, на которой выяснилась намъ поэзія Пушкина. Наконецъ, обязанъ своей побѣдой онъ—странно слышать—и своимъ врагамъ, но не тѣмъ обскурантамъ, которые хотѣли запретить самое имя поэта, а врагамъ литературнымъ: эти враги поэзіи и идей Пушкина, явившіеся позднѣе только, невольно сослужили ему ту службу, что своимъ трудами, даже своимъ существованіемъ вызвали лучшія литературныя силы Россіи въ ряды защитниковъ поэта, заставили своей дѣятельностью друзей Пушкина глубже вдуматься въ смыслъ и мысли поэта, чтобы тѣмъ дать имъ возможность энергичнѣе защитить своего писателя; рѣзкая, подъ часъ трезвая, критика враговъ указала ясно слабыя стороны прежней защиты, не смотря на ея добрыя цѣли. Писаревъ, относясь съ своей точки зрѣнія отрицательно къ общественному значенію Пушкина, какъ художника, помогъ намъ съ особой яркостью освѣтить ту сторону дѣятельности поэта, которая не съ достаточной полнотой выступала въ критикѣ Пушкина даже у Бѣлинскаго. Результатомъ этой борьбы—а безъ борьбы не могло быть успѣха—было то, что Пушкинъ блестящимъ образомъ оправдалъ чаяніе друзей, торжественно доказалъ своей поэзіей свои права передъ противниками, и тѣмъ въ нашихъ глазахъ „вознесся выше онъ главою непокорной Александрійскаго столпа“ (IV, 238). Если взгляды Бѣлинскаго, самого глубокаго эстетика въ нашей литературѣ, и не удовлетворятъ въ настоящее время во всемъ ихъ объемѣ, то воззрѣнія на Пушкина утилитариста Писарева—особенно въ томъ ихъ толкованіи, которое имъ желаютъ дать и до сихъ поръ, къ сожалѣнію, даютъ люди, слишкомъ много *вѣрящіе*, но слишкомъ мало *понимающіе* Писарева,—эти взгляды тѣмъ болѣе должны теперь отойти въ область исторіи, спокойно, sine ira et studio, изучающей наше прошлое.

Конечно, въ настоящей своей рѣчи, я не въ состояніи дать Вамъ полную картину борьбы за Пушкина, исторію его признанія обществомъ, Россіей. Я ограничусь указаніемъ на главныя перипетіи этой борьбы. Эти моменты отмѣчаются для насъ рядомъ именъ писателей—критиковъ, первое мѣсто между которыми и по времени, и по значенію занимаетъ *В. Г. Бѣлинскій.* Прежде, однако, чѣмъ напомнить Вамъ взгляды Бѣлинскаго на Пушкина, будетъ не лишнимъ съ моей стороны вспомнить ту почву, на которой стоялъ Бѣлинскій,—тѣ сороковые годы, которымъ самъ Пушкинъ обязанъ тѣмъ, что послѣ глухаго, но кратковременнаго замалчиванья со стороны тенденціозныхъ руководителей общественнымъ мнѣніемъ, онъ сразу сталъ передъ обществомъ, какъ неотразимый фактъ исторіи. Сороковые годы отмѣчаются золотыми буквами въ исторіи нашего культурнаго самосознанія, первые проблески котораго и были тотчасъ же приложены къ попыткамъ уяснить Пушкина. Эти проблески начались еще раньше, при жизни самаго Пушкина. Главнымъ направленіемъ, которое засталъ онъ въ нашей литературѣ, и съ которымъ ему самому приходилось считаться, былъ романтизмъ, который старались обосновать на русской почвѣ Жуковскій, Батюшковъ, Баратынскій, Дельвигъ и самъ Пушкинъ въ его юношескіе годы. Но онъ же сдѣлалъ и новый шагъ: убѣдившись въ безплодности попытокъ теоретически осмыслить романтическую школу на русской почвѣ, Пушкинъ кончилъ тѣмъ, что, руководимый своимъ творческимъ чутьемъ, создалъ національный русскій реализмъ.[1]) То, что далось генію и глубоко-художественному чутью поэта, въ чемъ онъ по крайней мѣрѣ на 15—20 лѣтъ обогналъ свое время, это долго еще носилось въ литературѣ въ видѣ неяснаго, кажущагося почти недоступнымъ призрака, постоянно притомъ застилавшагося другимъ подобнымъ же по своей неясности призракомъ—западнымъ романтизмомъ на русской почвѣ. Съ другой стороны еще при жизни Пушкина въ нашемъ обществѣ, правда, въ незначительной его части, появляются новыя вѣянія: вліяніе философіи Шеллинга и Гегеля съ идеей прекраснаго, какъ источника всего хорошаго, существующаго въ мірѣ, какъ основы всего міровоззрѣнія,

---

[1]) Ср. И. Ивановъ. Исторія русской критики, I (Спб. 1898), стр. 234.

начинаетъ сказываться на направленіяхъ литературы и мысли; идея національности и ея отношеніе къ идеѣ общечеловѣческаго намѣчаютъ уже два лагеря—славянофиловъ и западниковъ будущаго. Идея народности, жившая въ Пушкинѣ, какъ инстинктивная, начинаетъ подъ перомъ *Н. И. Надеждина* становиться сознательной, отливается, начавшись съ западныхъ идей Шеллинга, въ формулу уже почти славянофильскую: „православіе, самодержавіе,“ какъ частныя проявленія народности. Но Надеждинъ не былъ еще и чистымъ славянофиломъ, а скорѣе раціоналистомъ-поклонникомъ Петра, отрицателемъ до-петровской эпохи въ литературѣ, но въ тоже время и не былъ западникомъ, ибо въ западномъ вліяніи видѣлъ только бездушное подражаніе. Эта первая попытка самоопредѣленія тотчасъ же приложена къ оцѣнкѣ Пушкина самимъ же Надеждинымъ: онъ свою дѣятельность началъ и продолжалъ рѣзкимъ осужденіемъ „романтизма“, въ которомъ видѣлъ послѣднее проявленіе ненавистной ему подражательности. Онъ высоко ставилъ геніальную силу Пушкина и потому строго судилъ его за податливость той поверхностной манерѣ, которая усвоена была школой изъ чужихъ образцовъ. Чѣмъ талантливѣе становился Пушкинъ, тѣмъ страстнѣе желалъ Надеждинъ видѣть въ немъ русское содержаніе, русскую простоту стиля, тѣмъ больнѣе кололо его отсутствіе того и другого въ литературѣ. Произведенія Пушкина на иноземныя темы обижали пылкаго Надеждина. [1]) Но Надеждинъ при всей своей рѣзкости [2]) былъ весьма далекъ отъ отрицанія Пушкина—поэта, привлекаетъ къ себѣ своей искренностью, а, кромѣ того, по отношенію къ русской литературѣ вообще былъ правъ, и только его любовь къ Пушкину заставляла его рѣзко нападать на поэта, изъ опасенія, что и онъ можетъ быть задавленъ „бездушной подражательностью.“ [3])

---

[1]) Ср. А. Н. Пыпина. Исторія русск. этнографіи, I, 263—264.

[2]) За нее, какъ извѣстно, Пушкинъ и платилъ, недостаточно понимая его, эпиграммами на Надеждина. См. IV, 276; III, 203.

[3]) Подъ конецъ своей дѣятельности въ качествѣ критика Надеждинъ рѣзко измѣнилъ свой взглядъ на Пушкина: произнеся (Вѣстн. Евр. 1830) смертный приговоръ всему современному роману, въ томъ числѣ и „Онѣгину“, потребовавъ сожженія „Годунова“, (въ „Телескопѣ“ 1836) нашелъ у Пушкина и естественность и „равно могучее направленіе современнаго генія—народность.“ См. И. Иванова, указ. соч., стр. 351, 354. Ср. А. Н. Пыпина. Ист. этн., I, стр. 272.

И дѣйствительно, въ литературѣ, современной Пушкину, русскаго содержанія, русской простоты стиля было еще мало. Поэтому-то высокое значеніе ученика Пушкина Гоголя и состояло въ выполненіи той задачи, которая такъ горячо чувствовалась Надеждинымъ; хотя онъ не угадалъ смысла шага, сдѣланнаго Пушкинымъ въ области національнаго реализма, но за то, съ Надеждина начинается научное отношеніе къ литературѣ, смѣнившее постепенно старое, смотрѣвшее на нее чуть ли не какъ на „лѣтомъ вкусный лимонадъ“ [1]). Поэтому-то ученикъ и преемникъ Надеждина и явился вслѣдъ за нимъ такимъ же восторженнымъ поклонникомъ того же Пушкина и такимъ горячимъ почитателемъ Гоголя. Это былъ *В. Г. Бѣлинскій*. Статьи Бѣлинскаго о Пушкинѣ писаны въ 1843—46 годахъ; стало быть, уже через 6—7 лѣтъ былъ сдѣланъ первый шагъ къ защитѣ Пушкина путемъ уясненія его поэзіи. „Литературныя мечтанія“, вышедшія въ 1834 году, уже намѣтили собою переломъ въ русской критикѣ, уже опредѣлили собой то положеніе законодателя въ литературѣ, которое суждено было занять Бѣлинскому. „Литературныя мечтанія“ ясно указали на преемственность идей Надеждина у Бѣлинскаго, но здѣсь же впервые критика являлась, какъ сознательно и горячо прочувствованная система мнѣній, смыслъ которыхъ не ограничивался одной областью эстетическихъ явленій, а напротивъ простирался далеко за ихъ предѣлы—въ пониманіе цѣлой жизни общества; до Бѣлинскаго въ русской критикѣ еще не было такой цѣльности взгляда, силы убѣжденія и искренняго чувства. Если Бѣлинскій потомъ не разъ мѣнялъ въ частностяхъ свои общія мнѣнія, то всегда это былъ глубоко убѣжденный человѣкъ, страстно защищавшій свою мысль: онъ былъ всегда громадной нравственной силой. [2]) Переходъ Бѣлинскаго отъ „чистаго“ искусства къ тенденціозности, которую называютъ „утилитаризмомъ“, хотя и не особенно вѣрно, вовсе не былъ измѣной своему прежнему убѣжденію, а только его углубленіемъ: это было только болѣе глубокимъ пониманіемъ общественнаго значенія писателя. Такой человѣкъ могъ судить о Пушкинѣ, могъ претендовать на роль толкователя об-

---

[1]) Ср. А. Н. Пыпинъ. Исторія этнографіи, I, 263.

[2]) А. Н. Пыпинъ. В. Г. Бѣлинскій, I, (Спб. 1876), 91 и 93.

щественнаго значенія поэта. Бѣлинскому, именно, принадлежитъ та заслуга по отношенію къ Пушкину, что онъ первый попытался подойти къ поэту съ точки зрѣнія исторической: „Это уже не поэтъ", заявляетъ Бѣлинскій, „безусловно великій и для настоящаго и будущаго, какимъ онъ былъ для прошедшаго, но поэтъ, въ которомъ есть достоинства безусловныя и достоинства временныя, который имѣетъ значеніе артистическое и значеніе *историческое*". „Писать о Пушкинѣ" продолжаетъ критикъ, „значитъ писать о цѣлой русской литературѣ: ибо, какъ прежніе писатели объясняютъ Пушкина, такъ Пушкинъ объясняетъ послѣдовавшихъ за нимъ писателей" (VIII, 93, 100). [1]) Дѣйствительно, какъ извѣстно, Бѣлинскій подходитъ къ Пушкину отъ начала русской литературы, какъ эту литературу онъ понималъ, т. е. отъ эпохи Петра [2]): при этомъ онъ устанавливаетъ принципы своей критики: личный вкусъ, руководившій критикой стараго времени, теорія, которая обыкновенно гнетъ факты и не покажетъ поэта въ истинномъ свѣтѣ, не имѣетъ мѣста въ истинной критикѣ; тѣсная сфера эстетики, основа нѣмецкой критики, также не приложима. Жизнь выше искуства: это послѣднее только одно изъ проявленій этой жизни; а жизнь совершается въ обществѣ; исторія и жизнь - два основныя источника критики: поэтому, оцѣнивъ въ писателѣ то, что онъ даетъ, уловивъ тайну его личности, нужно опредѣлить связь писателя съ обществомъ, вникнувъ въ духъ эпохи, когда писатель явился и дѣйствовалъ: тогда мы поймемъ писателя [3]). Результатомъ этого анализа по отношенію къ Пушкину у Бѣлинскаго получились выводы, нѣсколько ослабляющіе то впечатлѣніе, какого мы ожидали бы послѣ такого введенія: Пушкинъ — художникъ по преимуществу [4]); его поэтической натурѣ ничего не стоило быть гражданиномъ всего міра, и въ каждой сферѣ жизни быть, какъ у себя дома. [5]) Изъ этого, такъ сказать, космополитизма художественности, усвоеннаго Пушкинымъ, вышли и его достоинства, и его недостатки, какъ по-

---

[1]) Ссылки на 4-е (М. 1880) изданіе.

[2]) VIII, 105.

[3]) VIII, 338—352. Ср. С. Трубачевъ. Пушкинъ въ русской критикѣ (Спб. 1889), стр. 291—293.

[4]) VIII, 365, 696—697.

[5]) VIII, 369.

эта: достоинство—въ его всеобъемлемости, недостатокъ—въ слабой отзывчивости на общественные мотивы: исключительная художественность сдѣлала изъ Пушкина болѣе поэта чувства, нежели поэта мысли; кротость, глубина, возвышенность этой поэзіи не достаточно активны съ общественной точки зрѣнія. Въ результатѣ, античное спокойствіе поэта онъ готовъ считать чуть-ли не индиферентизмомъ по отношенію къ вопросамъ общественной жизни. Здѣсь знаменитый критикъ уже подчинился невольно тому утилитарно — публицистическому настроенію, которое отличаетъ послѣдній періодъ его жизни и которое помѣшало ему правильно оцѣнить художественность Пушкина съ общественной точки зрѣнія: онъ близокъ къ противоположенію художественности и общественности. Но это не помѣшало ему отмѣтить другой важный элементъ поэзіи Пушкина—дѣйствительность, основу его реализма[1]); за то народность у Пушкина для Бѣлинскаго не болѣе, какъ „художественный тактъ“[2]). Конечный выводъ Бѣлинскаго, въ виду сказаннаго, ясенъ: „Пушкинъ былъ по преимуществу поэтъ — художникъ и ничѣмъ инымъ по своей натурѣ быть не могъ. Онъ далъ намъ поэзію, какъ искусство, и на всегда останется образцомъ и учителемъ искусства“. Къ особымъ свойствамъ Пушкина и его поэзіи Бѣлинскій относилъ способность развивать въ людяхъ чувство изящнаго и чувство гуманности: „Поэтому, Пушкинъ станетъ“, по пророчеству его критика, „поэтомъ классическимъ, по твореніямъ котораго будутъ образовывать и развивать не только эстетическое, но и нравственное чувство“ [3]). Въ результатѣ—общественное значеніе и національность поэзіи Пушкина остались у Бѣлинскаго не достаточно выясненными; лучше сказать: Бѣлинскій, стоя на вѣрномъ пути, не договорилъ своей мысли: въ его указаніи на свойство Пушкина — лирой пробуждать добрыя чувства — уже заключается признаніе за поэтомъ общественнаго значенія; за то критика Бѣлинскаго, рядомъ съ этимъ, была первымъ *объясненіемъ* Пушкина съ исторической стороны. Рядомъ съ этимъ толкованіемъ Пушкина въ критикѣ Бѣлинскаго, стоятъ статьи совершенно иного направленія. Въ статьяхъ, писанныхъ нѣкимъ *А. Мартыновымъ*

---

[1]) VIII, 381.
[2]) По вопросу о „народности“ и „національности“ поэзіи Пушкина см. Бѣлинскаго. VIII, 386—387, и А. Н. Пыпина. Ист. этногр. I, 394—395, особ. стр. 396—397.
[3]) VIII, 696—697.

въ „Маякѣ“ (1843 г.), объявлявшемъ себя органомъ „современнаго просвѣщенія въ духѣ русской народности“ [1]), мы видимъ попытку совершенно вычеркнуть изъ русской литературы имя Пушкина: Пушкинъ, по мнѣнію А. Мартынова, довелъ русскую литературу до „ражжиженнаго состоянія, ибо поэтъ уклонился отъ нашей высокоторжественной литературы XVIII в.; поэзія Пушкина — полнѣйшій упадокъ, ибо она отрицаетъ всякія правила и законы, ибо въ ней нѣтъ и слѣда философіи, религіозности русской народности.“ [2]) Въ результатѣ, поэзія Пушкина – „безжизненный, красивый стихотворный трупъ“, самъ Пушкинъ—просто „пейзажистъ“, увлекшійся Байрономъ. [3]) Конечно, при такомъ отношеніи къ Пушкину, у критика не могло быть и рѣчи объ общественномъ значеніи поэта. Узкая и притомъ ложно славянофильская. обскурантистская, ханжеватая критика иначе и не могла отнестись къ Пушкину, у котораго она не находила своеобразно понимаемой вѣры, добродѣтели и красоты: у Мартынова, даръ поэзіи дается отъ Бога затѣмъ, чтобы человѣкъ восхвалялъ Творца; поэтому, поэзія истинная возможна только религіозная; поэтому Клопштокъ выше Байрона и Гете. Въ концѣ концовъ этотъ, странный врагъ поэзіи Пушкина произноситъ свой не менѣе странный приговоръ поэту: „Будьте же безпристрастны, и за одно механическое искусство, или, вѣрнѣе сказать, за одно дарованіе писать красивые стихи, не спѣшите возвышать Пушкина на степень великаго, міровово поэта... Скоро, скоро—пророчествуетъ наконецъ мудрый критикъ—умрутъ его безжизненныя мишурныя произведенія.“ [4]) Конечно, такой приговоръ не могъ удовлетворить даже самыхъ строгихъ и наименѣе расположенныхъ къ поэзіи

---

[1]) Объ общемъ направленіи этого органа „современнаго просвѣщенія“ и т. д. см. А. Н. Пыпина. Исторія этногр., I, 356 и сл.

[2]) См. С. Трубачевъ. Пушкинъ въ рус. критикѣ, стр. 314.

[3]) Тамъ же, стр. 315.

[4]) См. тамъ же, стр 324. Нѣсколько раньше встрѣчаемъ еще такую же характеризующую Мартынова выходку: въ „Видѣніи въ царствѣ духовъ“ просвѣтлѣвшій духъ Пушкина осуждаетъ земного Пушкина: „Не вѣрьте тѣмъ, которые представляютъ вамъ Пушкина великимъ, образцовымъ писателемъ... Еслибъ въ Россіи развелось болѣе Пушкиныхъ, она скоро бы сгибла и пропала“ (А. Пыпинъ. Ист. этн., I, 359 примѣч.). Выписокъ, приведенныхъ мною, полагаю, достаточно, чтобы судить о значеніи и пріемахъ критики А. Мартынова.

и поэту судей его. Но эта критика не осталась однако безъ вреднаго вліянія: она дала смѣлость другимъ отнестись къ Пушкину строже и одностороннѣе, нежели того заслуживалъ писатель; даже самыя выраженія Мартынова послужили матеріаломъ для опредѣленія Пушкина. Сюда присоединилась криво истолкованная критика и Бѣлинскаго: отзывъ Бѣлинскаго объ общественномъ значеніи Пушкина, выдвигавшій на первый планъ художника, былъ истолкованъ, какъ отрицаніе Бѣлинскимъ общественнаго значенія писателя вообще; это толкованіе явилось не прямо, а въ зависимости отъ воззрѣнія на общественное значеніе эстетики вообще. Бѣлинскій понималъ это значеніе, признавалъ права на общественное значеніе эстетики и эстетическаго произведенія; другіе, т. н. утилитаристы, сводили значеніе это чуть ли не къ нулю; для такихъ людей, понятно, поэтъ терялъ цѣну, разъ они такъ односторонне развили сдержанный отзывъ Бѣлинскаго о Пушкинѣ.

Если можно пройти молчаніемъ достойнаго по взглядамъ и направленію потомка Мартынова съ его „Маякомъ" *Аскоченскаго* съ его „Домашней Бесѣдой", гдѣ доказывалось, что Пушкинъ не болѣе, какъ только „бонтонный разсказчикъ закулисной жизни такъ называемаго лучшаго общества", что у Пушкина кромѣ „формы" ничего нѣтъ, что самъ поэтъ—это „развращенный вѣкъ и современный человѣкъ", темы его—„ученіе сладострастія", а типы—„незаконнорожденныя дѣти цивилизаціи" и т. д. [1]); если и къ Аскоченскому вполнѣ примѣнила эпиграмма Пушкина на Каченовскаго:

Охотникъ до журнальной драки,
Сей усыпительный зоилъ
Разводитъ опіумъ чернилъ
Слюною бѣшеной собаки (IV, 280),—

то никакъ нельзя обойти взглядовъ „Современника" 1855 г., гдѣ въ статьяхъ *Н. Г. Чернышевскаго* [2]) мы можемъ видѣть то тенденціозное приложеніе взглядовъ Бѣлинскаго, которое дало такіе результаты у Писарева. Чернышевскій въ началѣ своей

¹) Домашняя Бесѣда, 1855, № 26 passim.

²) Перепечатка: „Критическія статьи," изд. 2-е, Н. Н. Чернышевскаго (Спб. 1895), стр. 1—119.

критики стоитъ на почвѣ взглядовъ Бѣлинскаго, часто ихъ только перефразируетъ;поэтому, можетъ, повидимому, быть зачисленъ въ число друзей Пушкина: поводомъ къ его критикѣ является „событіе, радостное для всѣхъ образованныхъ людей русской земли“, равное по значенію юбилею Московскаго университета, именно: „достойное изданіе (Анненкова, вышедшее въ 1855 г.) твореній великаго писателя, имѣвшаго такое вліяніе на образованіе всей русской публики...“ Для критика, „историческое значеніе Пушкина и художественное достоинство его твореній уже оцѣнено и публикою, и критикою. Пройдутъ годы прежде, нежели другія литературныя явленія измѣнятъ настоящія понятія о поэтѣ, который на всегда останется великимъ. Потому, пройдутъ годы прежде, нежели критика будетъ въ состояніи сказать о его твореніяхъ что нибудь новое“ (т. е. послѣ Бѣлинскаго) [1]). Не таковы однако, результаты изученія „личности и дѣятельности Пушкина на основаніи данныхъ, представляемыхъ новымъ изданіемъ“, результаты, къ которымъ пришелъ Н. Г. Чернышевскій. Отмѣтивъ то, что до сихъ поръ оставалось въ тѣни, именно: строгость Пушкина къ себѣ, тщательность отдѣлки, *сжатость* выраженія мысли, соединенную съ необыкновенной экспрессіей[2]), критикъ опредѣляетъ Пушкина, какъ поэта формы по преимуществу; значеніе его поэзіи то, что она прекрасна, художественна, хотя этимъ „слишкомъ узкимъ взглядомъ“ не исчерпывается значеніе Пушкина въ исторіи русской поэзіи. Но за то „художественность у него (Пушкина) составляетъ не одну оболочку, а зерно и оболочку вмѣстѣ вмѣстѣ“ [3]). Съ этого момента у Чернышевскаго начинается поворотъ во взглядѣ на Пушкина отъ полнаго признанія поэта къ ограниченію высказаннаго имъ же и высказываемаго критикой: „взгляды Пушкина на историческіе характеры (рѣчь идетъ объ историческихъ произведеніяхъ поэта) и явленія былъ не болѣе, какъ отраженіе общихъ понятій. Петръ—великій человѣкъ, мудрый правитель; Карлъ—опрометчивый герой, Мазепа—коварный измѣнникъ, Борисъ—повтореніе характеровъ и взглядовъ, высказанныхъ

---

[1]) Критическія статьи, стр. 1—2.

[2]) Современные „беллетристы нуждаются въ подобномъ урокѣ (который далъ Пушкинъ въ процессѣ своего творчества). Изъ всѣхъ недостатковъ, какіе замѣчаются въ современной литературѣ, самый общій—растянутость и необходимое слѣдствіе ея—блѣдность картинъ, вялость сценъ, пустота и утомительность всего произведенія“ (Тамъ же, стр. 53).

[3]) Тамъ же, стр. 63.

Карамзинымъ..... Пушкинъ *по преимуществу* поэтъ—художникъ, не поэтъ—мыслитель; т. е. *существенный смыслъ* его произведеній—художественная ихъ красота." [1]) Какъ видно изъ этихъ цитатъ, Чернышевскій, стоя на почвѣ Бѣлинскаго, только усилилъ выводъ Бѣлинскаго, возведя *частную* характеристику своего предмѣстника въ *общую* („существенный смыслъ"): общественное значеніе художественности, въ данномъ случаѣ художественности Пушкина, отдѣлено совершенно (хотя это ясно и не высказано Чернышевскимъ) отъ общественнаго значенія писателя, какъ понимала школа т. н. утилитаристовъ этотъ терминъ; оцѣнка же Пушкина строится именно съ точки зрѣнія общественнаго значенія, такъ понимаемаго. Результатъ такой постановки вопроса, вызванной личными стремленіями публициста Н. Г. Чернышевскаго, насъ послѣ этого уже не будетъ удивлять: „Въ исторіи русской образованности Пушкинъ занимаетъ такое же мѣсто, какъ и въ исторіи русской поэзіи..." [2]) Но, такъ какъ Пушкинъ не былъ мыслителемъ, а только человѣкомъ необыкновеннаго ума, то въ его произведеніяхъ „выразилось не столько развитіе поэтическаго содержанія, сколько развитіе поэтической формы" [3]). Современники высоко цѣнили Пушкина потому, что его творенія отвѣчали запросамъ *ихъ* времени. „Это значеніе Пушкинъ *продолжаетъ еще сохранять* до нашего времени." Стало быть, можетъ настать время, когда Пушкинъ не будетъ имѣть этого значенія: значеніе же онъ сохранитъ только историческое. Сравните съ этимъ приведенное мною начало статьи Чернышевскаго: постоянное восхваленіе, но и постоянное указываніе на *иныя потребности* общества заставляютъ именно такую мысль читать между строкъ у Н. Г. Чернышевскаго. Я умышленно нѣсколько больше остановился на взглядахъ Чернышевскаго: они намъ даютъ объясненіе отношеній къ Пушкину утилитаристовъ въ критикѣ: эти усиливали, доводили до крайности то, что у Чернышевскаго только чувствовалось, едва пробивалось между строкъ вдумчиваго, хотя нѣсколько радикальнаго критика. [4]) Къ числу такихъ

---

[1]) Тамъ же, стр. 63 и 64.

[2]) Тамъ же, стр. 67.

[3]) Тамъ же, стр. 66.

[4]) Оставляю въ сторонѣ взглядъ А. Дружинина. (Библ. для чтенія, 1855 г., № 3—4), какъ мало оказавшій вліянія на общее теченіе

писателей принадлежитъ и талантливый, въ тоже время софистически настроенный *Д. И. Писаревъ*, дѣятельность котораго разыгралась на почвѣ борьбы —и это важно для понимапія Писарева—борьбы между двумя направленіями въ литературной критикѣ—эстестическимъ и публицистическимъ; эта борьба объсняетъ тотъ приподнятый тонъ и тотъ радикализмъ, которымъ отличались статьи разгоряченнаго полемикой, увлекающагося Писарева. Онъ—представитель публицистической партіи, да еще въ ея крайнемъ направленіи; его девизъ—цитата изъ Пьера Леру: „Задача художника—открыть болѣзнь общества, задача критика—найти способъ къ ея исцѣленію.“ Злоба дня—удѣлъ литературы для Писарева; безъ этого у литературы нѣтъ жизни, иначе, нѣтъ *практическаго* (это для Писарева главное) значенія. Писаревъ въ своей критикѣ Пушкина обѣщалъ продолжить дѣло Бѣлинскаго, перерѣшивши тѣ вопросы, которые Бѣлинскій рѣшалъ на основаніи эстетическихъ догматовъ, на иныхъ основахъ, основахъ „мыслящихъ реалистовъ“. Онъ хочетъ насъ увѣрить, что, подобно М. Н. Чернышевскому, онъ совершенно солидаренъ съ великимъ русскимъ критикомъ, если только съ него, Бѣлинскаго, „соскоблить шелуху гегелизма и эстетики“. [1]) Конечно, поставивши себѣ такія условія, которыя указываютъ отнюдь не на строго безпристрастное отношеніе къ дѣлу, а наоборотъ на узко-партійный утилитаризмъ самозваннаго продолжателя Бѣлинскаго, Писаревъ не только не дополнилъ критики Бѣлинскаго, оставившаго только недостаточно освѣщенной общественную сторону поэзіи Пушкина, но и отвергъ произвольно, на дѣлѣ, Бѣлинскаго и въ своихъ крайнихъ выводахъ, по крайней мѣрѣ, по формулировкѣ ихъ близко подошелъ къ развязности Аскоченскаго и Мартынова. Да и къ самой критикѣ подошелъ онъ также произвольно: для него весь Пушкинъ исчерпывается „Онѣгинымъ“ и 7-ю лирическими стихотвореніями поэта. Приступая къ разбору Пушкина, онъ уже предрѣшилъ свой судъ о немъ: ограничившись названными только что пьесами, онъ развязно заявляетъ, что онъ взялъ только „Онѣгина“ и 7 сти-

---

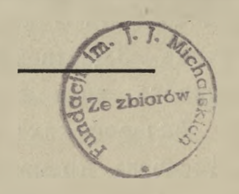
критики Пушкина: восторженный поклонникъ поэта, Дружининъ смотритъ на Пушкина, какъ на поэта, которому ранняя смерть помѣшала стать рядомъ съ міровыми геніями: образъ Пушкина—образъ „вѣчнаго юноши, какимъ онъ сошелъ въ преждевременную могилу“.

[1]) Д. И. Писаревъ. Сочиненія (изд. 1894 г. Спб.), V, 64, 78, 79.

хотвореній потому, что „предпринимать такой объемистый и утомительный трудъ (т. е. разборъ *всего* Пушкина) въ настоящее время значило бы придавать вопросу о Пушкинѣ, *слишкомъ важное значеніе, которого онъ уже имѣть въ 1865 году не можетъ*"[1]). Результатъ такой критики, если только статью Писарева можно назвать этимъ почтеннымъ именемъ, конечно, послѣ всего этого насъ не удивитъ: „Пушкинъ не великій поэтъ, а легкомысленный версификаторъ, опутанный мелкими предразсудками, погруженный въ созерцаніе мелкихъ личныхъ ощущеній и совершенно не способный анализировать и понимать великіе общественные и философскіе вопросы нашего вѣка." [2]) Не нахожу даже нужнымъ подробно разбирать выводъ Писарева: того, что сказано о томъ, *какъ* онъ подошелъ къ своей задачѣ, достаточно для того, чтобы понять, на сколько могутъ взгляды Писарева претендовать на серьезное уясненіе личности и дѣятельности писателя. Прибавлю только одно: послѣдующая и современная Писареву критика, менѣе страстная и менѣе партійная, нашла, что Пушкинъ далеко не легкомысленъ, далеко не версификоторъ, а истинный художникъ слова, далеко не опутанный мелкими предразсудками человѣкъ, далеко не эгоистичный созерцатель личныхъ ощущеній, а глубоко правдивый и къ себѣ и къ другимъ человѣкъ, глубокій аналитикъ великихъ общественныхъ вопросовъ и философски мыслящій человѣкъ, хотя и не записавшійся ни въ одинъ изъ тогдашнихъ философскихъ толковъ. Къ счастью для насъ, своей статьей Писаревъ произвелъ не глубокое впечатлѣніе на общество, а возбудилъ чувство скандала своими пріемами и своей, такъ сказать, высокомѣрной развязной софистикой; той же статьей подорвалъ онъ уваженіе и къ тѣмъ своимъ мыслямъ, которыя заслуживали бы уваженія, будучи высказаны болѣе сдержанно и умѣренно, какова, напр., его вѣра въ великое значеніе писателя, какъ общественнаго дѣятеля; въ концѣ концовъ самъ себя Писаревъ и погубилъ: въ своемъ отрицаніи, въ своемъ утилитаризмѣ и радикализмѣ онъ зашелъ такъ далеко, что отъ него отшатнулись даже самые горячіе, но не столь опрометчивые сторонники утилитаризма въ литературѣ; его да-

[1]) Статья писана въ этомъ году. Тамъ же, столб. 119.
[2]) Тамъ же, столб. 120.

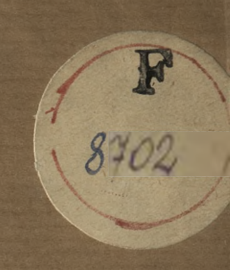
же опровергать серьезно не стали, а критика пошла спокойно по стопамъ Бѣлинскаго, спокойно продолжая расширять и углублять умѣренный взглядъ отца нашей критики, которому, скажу кстати, даже не было суждено знать *всего* Пушкина [1]): первое почти полное изданіе Пушкина вышло въ 1855 году, черезъ 7 лѣтъ послѣ смерти перваго настоящаго истолкователя поэта. Если Писаревъ счелъ вопросъ о Пушкинѣ устарѣвшимъ уже въ 1865 году, то самъ Писаревъ тотчасъ послѣ смерти долженъ былъ отойти въ область исторіи. Писареву могутъ теперь серьезно *вѣрить* только незрѣлые умы, подкупаемые въ пользу идей Писарева блестящей, увлекательной, живой формой изложенія, умы или люди, незнакомые съ ходомъ нашего культурнаго развитія. Это въ особенности примѣнимо къ суду Писарева надъ Пушкинымъ. Пушкинъ остался неуязвимъ для критики писаревскаго пошиба, шелъ своей дорогой, освѣщенной теперь Бѣлинскимъ и его учениками. Между ними съ особой благодарностью должны мы вспомнить искренняго критика Пушкина, самостоятельнаго мыслителя *Аполлона Григорьева*. Григорьевъ заключилъ свою критику поэта словами: „Пушкинъ единственный всесторонній представитель нашей народной физіогноміи.... Пушкинъ—наше все“. Этими словами закончимъ и мы сегодняшнее наше собраніе.

---

[1]) Ср. Бѣлинскій. Сочиненія, VIII, 91.

F
8702